

СОЦИАЛЬНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

УДК 94(470)571.1

П.А. АФАНАСЬЕВ**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ «НОВОМУ КУРСУ» ЗЕМЕЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ КАБИНЕТА ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА
В АЛТАЙСКОМ ОКРУГЕ В НАЧАЛЕ 1910-Х ГОДОВ ***

канд. ист. наук

Алтайская государственная педагогическая академия

E-mail: pavel_afanasev@mail.ru

В статье исследуются формы противодействия политике «нового курса» Кабинета, использовавшиеся в 1911–1912 гг. Основным проявлением являлись критические публикации прессы, с начала 1912 г. систематически обвинявшие Кабинет в нарушении законов. Второе направление противодействия выразилось в противоречиях томского губернатора и начальника Алтайского округа по вопросу о землеустройстве. Две формы противодействия были объединены в запросе Государственной думы. Проведенный анализ свидетельствует, что Кабинет предпочел преимущественно бюрократические методы реакции на критику своей политики, сумев ее отстоять. Автор приходит к выводу, что бюрократические методы реакции Кабинета на возникшее противодействие «новому курсу» свидетельствовали о нежелании ведомства интегрировать региональную земельную политику в меняющуюся общественно-политическую структуру.

Ключевые слова: Кабинет Его Императорского Величества, Алтайский округ, периодика, землеустройство, «новый курс», Е.Н. Волков, В.П. Михайлов.

Первая русская революция вызвала существенные перемены в политической культуре общества. Создание «думской монархии» и связанных с ней механизмов активизировало общественно-политическое структурирование, усилило значение газет и журналов и способствовало начавшемуся формированию многоуровневого диалога между властью и обществом [1, с. 159–160]. В новых условиях оказалась самодержавная монархия, вынужденная укреплять свое общественно-политическое положение в контексте политических перемен. К тому же, институт монархии и обеспечивавшее его потребности Министерство императорского двора оказались в непростой финансовой

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-11-22007а(р)

ситуации, поскольку Основные законы Российской империи 1906 г. зафиксировали неизменной сумму ежегодных ассигнований из бюджета на расходы ведомства. Необходимость в дополнительных средствах из казны предусматривала процедуру их обсуждения в Государственной думе¹. В условиях неприятия нового политического механизма Николай II поставил задачу обеспечения «независимости монарха от государственного бюджета»². Поэтому с 1907 г. возросли роль и значение Кабинета Его Императорского Величества (далее – Кабинет), руководившего хозяйственно-финансовым направлением в Министерстве двора. Но в изменившихся общественно-политических условиях деятельность Кабинета как учреждения, связанного с монархией, уже не могла, как это было ранее, осуществляться преимущественно в рамках бюрократических кулуаров, и все чаще она оказывалась объектом общественного внимания, пик которого пришелся на 1911–1912 гг.

К этому времени уже обозначились контуры радикальных перемен, происходивших в крупнейшем владении Кабинета – Алтайском округе. С 1907 г. региональная хозяйственная политика ведомства представляла курс на поступательное развитие и интенсификацию всех отраслей, связанных с эксплуатацией природных ресурсов региона. Журнальная и газетная периодика 1910-х годов для обозначения происходивших изменений стала использовать термины «новая политика» и «новый курс», в содержание которых вкладывалась переориентация Кабинета на защиту собственных «частнохозяйственных интересов»³. В отличие от чиновников Кабинета, подчеркивавших положительную хозяйственную динамику от реализации этого направления в Алтайском округе, пресса обращала внимание общества преимущественно на земельную сферу, в которой новый вектор деятельности Кабинета сопровождался ущербом интересам крестьянского населения.

Понятие «новый курс» применительно к региональной хозяйственной политике Кабинета последнего десятилетия его существования в научной литературе впервые использовал Г.П. Жидков, полностью переняв его трактовку из дореволюционной прессы и ограничив сферу его распространения только земельной отраслью [2, с. 194, 200, 202-203, 207-209]. Данная позиция воплотила утвердившуюся в советской историографии негативную характеристику региональной деятельности Кабинета, связанную с ее отрицательными последствиями в социальной сфере (Е.И. Соловьева, Л.Ф. Складаров, Г.П. Жидков,

¹ Свод законов Российской империи. Кн. 1. Т. I. Ч. I. Свод основных государственных законов. М., 1910. С. 10. Ст. 115.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп. 4. Д. 1486. Л. 81.

³ *Отклики сибирской печати (о новом курсе Кабинета)* // Сибирская жизнь. 1910. 7 июля.

А.А. Храмов). Предпринятое в последнее десятилетие изучение лесного хозяйства округа (М.О. Тяпкин, Т.Н. Соболева, Е.А. Карпенко), земельно-арендной отрасли и хозяйственной политики ведомства в регионе (Т.Н. Соболева, А.Е. Кухаренко, П.А. Афанасьев) позволили существенно расширить представления о кабинетском хозяйстве на Алтае в начале XX в. и раскрыть его аспекты, оставленные без внимания советскими историками. Результатом стало признание исследователями наличия у Кабинета собственных региональных хозяйственных интересов, их целенаправленной реализации и эволюции в обеспечении финансовой независимости коронного ведомства [3, с. 198–252]. Это позволило применить термин «новый курс» ко всей политике Кабинета в Алтайском округе, представив его как обобщающее понятие для процессов, происходивших в регионе с 1907 г. при активном воздействии со стороны нового руководства Кабинета и округа [4].

Утверждение «кабинетоцентристского» подхода в исследованиях хозяйственной политики ведомства в Алтайском округе сопровождается снижением интереса к изучению общественной реакции на политику «нового курса», поскольку она нивелирует отчетливую поступательную динамику ведомственной экономики в регионе. Поэтому выделение основных форм противодействия общества «новому курсу» Кабинета и краткое рассмотрение каждой из них, предпринятые Г.П. Жидковым, до сих пор не потеряли своей актуальности [2, с. 220–237]. Самостоятельной темой являлось изучение крестьянского движения. Один из эпизодов, связанный с борьбой населения Алтая против результатов землеустройства, был рассмотрен А.А. Храмовым, скрупулезно реконструировавшим бюрократическое решение возникшей проблемы [5]. Получили детальное изучение антикабинетские публикации прессы и вызванная ими в 1912 г. информационная борьба с ведомством [6]. Традиция обособленного рассмотрения каждой из форм общественного протеста «новому курсу» Кабинета оставляла без особого внимания факт сосредоточения большинства из них в коротком и весьма насыщенном событиями промежутке 1911–1912 гг. Поэтому настоящая публикация, продолжая начатое ранее изучение информационной борьбы с кабинетским ведомством, ставит задачу анализа основных направлений противодействия «новому курсу» Кабинета (за исключением крестьянского движения) в их взаимосвязи и вызванных ими методов реакции со стороны ведомства.

Формирование «нового курса» хозяйственной политики Кабинета в Алтайском округе, происходившее в 1907–1910 гг., поначалу не вызвало заметного противодействия даже в условиях массового притока в регион переселенцев и предоставления им свыше 2 млн дес. земли. Первый крупный конфликт, связанный со стремлением управления округа сохранить от передачи в колонизационный фонд большие массивы земель с апелляцией к хо-

зяйственным нуждам Кабинета, произошел в марте 1910 г. Однако он не вышел за рамки делопроизводственной переписки с Переселенческим управлением, и Кабинет по итогам бюрократической борьбы с небольшими уступками отстоял свою позицию. Последовавший вскоре приход к руководству округом В. П. Михайлова значительно активизировал деятельность ведомства по максимальному сохранению земельных владений и отстаиванию хозяйственных интересов Кабинета на Алтае, примером чего была настойчивая, но безуспешная попытка нового начальника округа добиться отмены действия указа 19 сентября 1906 г. [7, с. 81–83].

Первые действия В. П. Михайлова свидетельствовали об окончательном утверждении нового направления в хозяйственной политике Кабинета. Очень быстро на это отреагировала периодическая печать, уже в июле 1910 г. поместившая ряд аналитических публикаций о начале «нового курса». Они не касались деятельности нового начальника округа, а основывались на ставшем известным журналистам протоколе совещания чинов Кабинета 26 января 1910 г., утвердившем жесткое поведение местных служащих ведомства при реализации земельной политики. «Алтайская газета» и изложившая ее материал «Сибирская жизнь» достаточно резко отметили суть «нового курса»: «Местные агенты Кабинета должны, подобно служащим любой фирмы, любого частного имения, насколько возможно отстаивать интересы своих хозяев». Предрекая неизбежность возникновения трений между Кабинетом, казной и крестьянами, газета призывала местное переселенческое управление и губернское правление «занять по отношению к Кабинету такую же позицию изготовки к борьбе, какую этот занял по отношению к названным чинам и ведомствам»⁴.

Вскоре в прессе появилась более взвешенная в оценках характеристика новой хозяйственной политики Кабинета на Алтае, построенная на ее сравнении с предшествовавшим курсом ведомства. Автор попытался обобщить материал о земельной политике Кабинета, в результате чего выделил две противоположные тенденции ее развития. Одна из них предусматривала увеличение доходности округа «при широком экономическом развитии края, при прочном устройстве и благосостоянии его многочисленного населения». Другая тенденция отражала противопоставление интересов государства и Кабинета, заключааясь в увеличении арендных цен, введении новых сборов, сокращении малопродуктивных отраслей кабинетского хозяйства. Отмечая резкое тяготение ко второму направлению, автор, не обвиняя ведомство, предупреждал об ошибочности избранного курса, дающего лишь эффект «дутого»

⁴ *Новый курс Кабинета* // Алтайская газета. 1910. 24 июня; Отклики сибирской печати (о новом курсе Кабинета) // Сибирская жизнь. 1910. 7 июля.

увеличения доходов Кабинета и не учитывающего роль экономически сильного населения округа в обеспечении прибыли от региона⁵.

Общественное неприятие «нового курса» политики Кабинета в Алтайском округе, будучи заявленным прессой почти одновременно с началом его активного внедрения В. П. Михайловым, некоторое время не находило широкой реализации ни в критике прессы, ни в иных формах противодействия ему. Ситуация поменялась с начала лета 1911 г. после резонансного волнения населения в с. Павловском. Жители 10-тысячного села оказались не удовлетворены результатом землеустройства, сократившим душевой надел для старожилов, оставившим без наделов преобладавшее неприписанное население и изъявшее у села выпас для скота. Особое недовольство населения вызвал факт наличия вокруг села достаточного количества земли для наделения жителей по полной норме надела, однако Кабинет предпочел оставить эти земли за собой для их сдачи в аренду. На этом фоне жестокость в наказании объездчиком Павловского имения одного из нарушителей кабинетского землепользования вызвала волнения населения 31 мая 1911 г. Беспорядки были остановлены войсками, отправленными из Барнаула, и арестами среди крестьян⁶ [8, с. 166–169].

Павловское волнение, ставшее самым крупным проявлением крестьянского движения в Сибири перед Первой мировой войной, оказалось в сфере особого внимания министерства внутренних дел, информировавшегося томским губернатором П.К. Граном. По итогам поездки в район волнения губернатор пришел к выводу, что его причиной были «обострившиеся отношения на почве землепользования между местными учреждениями ведомства Кабинета с одной стороны и населением с другой». Подробная аргументация этого тезиса свидетельствовала, что позиция губернатора, скорее всего, была сформулирована под воздействием общения с представителями администрации Алтайского округа. В частности, губернатор прямо заявил о законности всех действий и «настойчивых требований» местных представителей Кабинета и безусловной виновности населения, не желавшего «примириться с мыслью о том, что земля и лес чужие, а не собственные». Поэтому П.К. Гран, считая произошедшее волнение вполне закономерным событием, назвал его главной причиной «естественный антагонизм интересов Кабинета и сельского населения Алтайского округа», который не гарантировал нормализации их отношений в будущем⁷.

Позиция губернатора, не отличавшаяся критическим подходом к целям и

⁵ По поводу «нового курса» Кабинета // Сибирская жизнь. 1910. 16 июля.

⁶ Аграрные беспорядки // Утро России. 1911. 16 июня.

⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84 (1911 г.). Д. 192а. Л. 14-15, 16 об. – 17.

методам кабинетского ведомства на Алтае, очевидно, была обусловлена его недавним назначением на должность, не позволившим за несколько месяцев глубоко вникнуть в сложившуюся в регионе ситуацию. Поэтому управляющий Кабинетом Е.Н. Волков, ознакомленный с донесением П.К. Грана, охарактеризовал его как «в высшей степени беспристрастное и правильное объяснение причин беспорядков» в силу солидарности с позицией Кабинета. Тем не менее, Е.Н. Волков выразил более непримиримую позицию по отношению к населению, которое «то и дело вступает на путь беззакония»: «В данное время неизбежна самая серьезная борьба с произволом населения, стремящегося внести прежний хаос в земельные отношения»⁸. Хотя это мнение провозглашало категоричную готовность ведомства к открытой конфронтации с населением, шедшую вразрез с позицией томского губернатора, в состоявшемся бюрократическом рассмотрении проблемы оно еще не привело к резкому неприятию государственных структур к Кабинету и их противостоянию хозяйственной политике коронного ведомства в регионе.

Иное отношение к курсу Кабинета в округе после павловского волнения продемонстрировала пресса, широко осветившая его как в региональных, так и общероссийских изданиях. Крупное выступление крестьян, в отличие от публиковавшегося множества отдельных эпизодов взаимоотношений населения и администрации округа, позволяло перейти к обобщению и анализу политики Кабинета на Алтае. Первые публикации представляли лишь детальное описание павловских событий⁹, но уже июльские статьи газет сосредоточили внимание на причинах волнения. Одной из первых это сделала «Алтайская газета», подробно рассказавшая читателям о законодательных основах землеустройства на Алтае и их реализации в селе Павловском. Материал не оставлял сомнений в нарушении закона землеустроителями, по поводу чего автор статьи горько иронизировал: «Какие-то неведомые силы не позволили проникнуть этому закону в народную жизнь». Однако пример с Павловского в статье рассматривался лишь как частный случай распространяемого в Алтайском округе недовольства крестьян результатами землеустройства¹⁰. Тем не менее, статья не создавала впечатление о взаимосвязи описываемых явлений с политикой Кабинета, поэтому никаких обвинений в его адрес публикация не содержала. «Сибирская жизнь», чуть позже пересказавшая в обзоре прессы эту статью, только выразила надежду на «надле-

⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84 (1911 г.). Д. 192а. Л. 34, 35.

⁹ *Сибирская жизнь*. 1911. 9 июня, 15 июня; *Утро России*. 1911. 16 июня; *Русское знамя*. 1911. 15 июля.

¹⁰ *Нечто о землеустройстве в с. Павловском* // *Алтайская газета*. 1911. 1 июля.

жащее» судебное разбирательство причин «сенсационного дела»¹¹.

Столичные газеты, также осветив особенности землеустройства с. Павловского, больше внимания уделили ответственности Кабинета, но сделали это с разной степенью полноты. Так, орган Союза русского народа «Русское знамя» ограничился лишь указанием на недостаточное внимание начальника Алтайского округа, не сумевшего предотвратить волнение¹². В отличие от него «Речь» показала финансовую выгоду для Кабинета производимых в ходе землеустройства отрезков, которые вынуждали население к принудительной аренде кабинетских земель. «Искусственное малоземелье для старожилов и таковое же малоземелье для новоселов» вследствие сознательных действий землеустроителей Кабинета позволило автору персонально обвинить в неисполнении законов руководителей Кабинета, Алтайского округа и Алтайского землеустройства¹³.

Статьи газет, посвященные Павловскому делу, сразу же привлекли внимание министерства внутренних дел. В отношении редакторов двух региональных газет томский губернатор применил административное наказание в виде штрафов за «ложные сведения, возбуждающие в населении враждебное отношение к правительственным органам»¹⁴. Учитывая, что «Алтайская газета» и «Сибирская жизнь» не высказывались напрямую против политики Кабинета, можно не сомневаться, что действия губернатора были вызваны только «в целях предупреждения, в пределах Барнаульского уезда, беспорядков на аграрной почве»¹⁵, не становясь на защиту Кабинета. Статьи центральных газет внимание Кабинета не привлекли.

На этом фоне 30 июля в еженедельном журнале сибирских депутатов Государственной думы появилась статья с критикой земельной политики Кабинета на Алтае. Ее анонимный автор М.С. повторил некоторые обвинения в адрес Кабинета, уже звучавшие в газетных публикациях, но, отказавшись в отличие от них от освещения конкретных случаев, представил одно из первых аналитических обобщений землеустроительной деятельности чинов ведомства. В центре внимания оказались два важнейших ее изменения. Одно было связано с ускорением работ вследствие упрощения процедуры межевания. Автор обращал внимание, что погоня за объемом снижала качество съемки земель, несовпадение наделов в натуре и на планах, что затрагивало интересы населения. Ускоренное межевание земель было вызвано желанием

¹¹ *Отклики* сибирской печати (О причинах алтайских аграрных беспорядков) // Сибирская жизнь. 1911. 23 июля.

¹² *По России*. С. Павловское Барнаульского уезда // Русское знамя. 1911. 15 июля.

¹³ *Аграрные беспорядки* в Сибири // Речь. 1911. 17 июля.

¹⁴ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84 (1911 г.). Д. 192а. Л. 1, 3, 6, 7, 8, 23 об. – 24, 25 об. – 26.

¹⁵ Там же. Л. 22 об.

Кабинета быстрее завершить землеустройство и начать получение выкупа из казны за отведенную населению землю¹⁶. Второе изменение было связано с распространением практики принудительного изъятия и обмена округом у населения боровых выгонов и покосов без предоставления соответствующих прирезок надела. Цель данных действий была очевидна – «создать [...] принудительно-арендные отношения», также направленные на увеличение доходов Кабинета¹⁷. В результате, эти изменения процедуры землеустройства доказывали главную мысль автора о резком изменении с 1908 г. земельной политики Кабинета в целях соблюдения его интересов в ущерб населению. На основе этого было выдвинуто обвинение Кабинета в «полном пренебрежении законов» и даже в поиске «возможно наилучших способов обхода законов». При этом автор отметил роль местной прессы в показе конкретных примеров этого, на которые, однако, землеустроители «предпочитают отмалчиваться»¹⁸.

Статья «Сибирских вопросов» завершила первый этап противодействия общества политике «нового курса» Кабинета в Алтайском округе. Активную роль в нем сыграла пресса, откликнувшаяся не только освещением наиболее острых фактов противостояния коронного ведомства и населения, но и в отдельных случаях ответившая критикой финансовых интересов Кабинета и нарушения им законов. Государственные структуры в лице томского губернатора еще не встали в конфронтацию с ведомством. Сам Кабинет и его региональные представители никак не восприняли появившиеся в печати выпады против проводимой политики в силу их разрозненного и излишне фактографичного характера. К тому же, публикации, печатавшиеся не в крупных изданиях, а главным образом в региональных периодических изданиях, вряд ли могли вызвать общероссийский резонанс. Даже Павловское волнение дало лишь временный эффект роста критики Кабинета, не приведя к длительному устойчивому противодействию печати политике ведомства в регионе.

Новый этап противодействия Кабинету начался в конце 1911 г. после публикации в журнале «Дальневосточное обозрение» статьи, посвященной резкой критике земельной политики Кабинета в Алтайском округе¹⁹. Составленная в виде обзора газетных публикаций, статья не только подвела им итог, но и открыла возможность широких обобщений на основе массы единичных фактов. С учетом правительственного характера издания критика политики Кабинета переходила на новый уровень, игнорировать который

¹⁶ М. С. Земельная политика Кабинета // Сибирские вопросы. 1911. № 28-29. С. 9-10.

¹⁷ Там же. С. 11.

¹⁸ Там же. С. 8, 12.

¹⁹ *К вопросу* о землеустройстве в Сибири // Дальневосточное обозрение. 1911. № 15. С. 43-52.

руководители ведомства уже не могли. В центре формирования защиты политики Кабинета оказался начальник Алтайского округа В.П. Михайлов, достаточно быстро подготовивший опровержение на статью. Детальный анализ журнальной публикации и последовавшей реакции со стороны Кабинета уже был подробно рассмотрен нами [6, с. 103–109]. Однако задержка с изданием опровержения, последовавшим уже после закрытия «Дальневосточного обозрения» и значительно снизившим его актуальность, меняла целевую аудиторию ответа Кабинета с прессы на правительственных подписчиков, не способствуя широкой защите ведомственной земельной политики.

Наступление на Кабинет со стороны прессы продолжилось уже в январе 1912 г., когда в «Русском богатстве» появилась статья, обвинявшая Кабинет в нарушении законов в земельной сфере с опорой на делопроизводственные документы, созданные в ходе деятельности ведомственных структур²⁰. Хотя данная публикация представляла больше опасности с точки зрения ее влияния на читателей, чем в случае с «Дальневосточным обозрением», реакция руководства Кабинета оказалась более медленной [6, с. 110–112]. Готовивший опровержение заведующий Алтайским землеустройством П.М. Юхнев в первую очередь увидел в статье критику не столько Кабинета, сколько подведомственного ему учреждения²¹. Тем не менее, почти одновременное появление острокритических статей свидетельствовало о переходе прессы в наступление уже не против отдельных фактов нарушений со стороны чинов Кабинета, а против политики «нового курса» в целом. Поэтому Кабинет включился в борьбу с противодействием со стороны прессы одновременно по обеим статьям, задействовав сразу двух ключевых лиц руководства Алтайского округа – В.П. Михайлова и П.М. Юхнева.

В разгар подготовки опровержений на обвинения Кабинета в прессе весной 1912 г. обозначилось второе направление противодействия курсу ведомства, связанное с противостоянием политике Кабинета со стороны губернатора, втянувшее в разбирательство также высшие государственные структуры. Оно возникло в ходе решения проблемы непризнания населением итогов землеустройства в селе Мормышы, у которого в 1911 г. было изъято урочище «Маяки» и выделено в оброчную статью Кабинета. Крестьяне, продолжая считать отрезанные земли своими, в январе 1912 г. приняли приговор о самовольной распашке «Маяков» без уплаты арендной платы²². В ответ в феврале 1912 г. начальник Алтайского округа посетил беспокойные села, особое внимание уделив Мормышам. В.П. Михайлов выступил категориче-

²⁰ М. С. Государево дело на Алтае // Русское богатство. 1912. № 1.

²¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 27. Д. 1362. Л. 77-78.

²² Там же. Ф. 1291. Оп. 84 (1911 г.). Д. 192а. Л. 42-42 об., 87 об.-88.

ски против самовольного использования земли «Маяков» крестьянами, обосновав это тем, что «я теперь – как лавочник ничего не могу дать даром, а если вы не послушаетесь, то сообщу полиции и с вами расправятся», предложив крестьянам взять спорную землю в аренду по «какой угодно низкой цене». После переговоров с населением В.П. Михайлов посоветовал жителям села подать прошение на высочайшее имя с просьбой о прирезке спорной земли²³. Губернатор П.К. Гран охарактеризовал предложения В.П. Михайлова как противоречивые, поскольку возможная уступка земель могла создать прецедент для других подобных сел округа. Как положительный исход прошения, так и репрессивное преследование волнений крестьян пришлось бы распространять на все соседние с Мормышами селения, рассматриваемого ими как пример. Поэтому, опасаясь возможных волнений крестьян, П.К. Гран высказался за меры, убеждавшие крестьян в незаконности их решения²⁴.

Попытка разрешить ситуацию на местном уровне выявила слабую согласованность действий губернатора и начальника округа, одинаково стремившихся к мирному выходу из ситуации. В.П. Михайлов, очевидно, рассчитывал, что прошение крестьян не получит поддержки императора, и проблема будет исчерпана. Однако для П.К. Грана любое развитие событий выставляло губернские власти не заботящимися об интересах крестьян: в лучшем случае – как безынициативную сторону, а в наиболее возможном варианте – как карающую силу с использованием войск. Но первым открытое недовольство В.П. Михайловым стал выражать начальник Томского губернского жандармского управления Мазурин. В донесениях в Петербург он отмечал безграничное доверие руководства Кабинета к начальнику округа, пользуясь которым В.П. Михайлов односторонне освещал ситуацию, вызванную «попустительством со стороны местной администрации». Кроме того, жандармский руководитель указывал на политическую неблагонадежность некоторых служащих землеустройства, влиявшую на его реализацию. В свете этого, мормышанский случай в донесениях Мазурина выступал как не первый пример, «когда благодаря какой-то двойной игре создается почти искусственное осложнение, грозящее повторением Павловских событий»²⁵. Сам П.К. Гран, поначалу воздерживаясь от оценок деятельности В.П. Михайлова, после посещения в мае 1912 г. беспокойных сел также присоединился к его критике, характеризуя его А.А. Макарову как человека с «редким самомнением, отсутствием дальновидности и не стесняющегося в средствах для достижения своих целей»²⁶.

²³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84 (1911 г.). Д. 192а. Л. 62, 88, 89.

²⁴ Там же. Ф. 468. Оп. 27. Д. 1362. Л. 62 - 62 об., 64 об., 411 об.

²⁵ Там же. Ф. 1291. Оп. 84 (1911 г.). Д. 192а. Л. 89, 94.

²⁶ Там же. Л. 116 об.

После начала в апреле самовольных полевых работ на спорной земле с. Мормыши и последовавшей отправки туда военных сил для проведения «административных мер» и «производства массовых арестов» среди крестьян, 24 апреля 1912 г. состоялось экстренное заседание Совета министров с участием П.К. Грана и управляющего Кабинетом. Томский губернатор фактически обвинил В.П. Михайлова в препятствии губернскому правлению по подчинению крестьян из-за «привходящего обстоятельства» в виде рекомендации начальника округа населению подать прошение на прирезку земли. Е.Н. Волков, снимая эти обвинения, в ответ отметил постоянную доброжелательность Кабинета к «заявляемым крестьянами земельным притязаниям». Итоговое решение Совета министров представляло попытку сгладить противоречия путем отказа от правовой оценки требования крестьян, учетом их обустроенности на спорном участке наряду с опасением крупных осложнений, что побудило «склониться к более благоприятному для крестьян решению». Вывод Совета министров о необходимости мирного решения проблемы на основе поданного крестьянами прошения не противоречил интересам ни одной из сторон конфликта²⁷.

П.К. Гран, очевидно, основываясь на мотивировке Совета министров, поспешил использовать ее при решении других острых вопросов алтайского землеустройства, связанных с наделением непричисленных переселенцев и арендных поселков. Уже 4 мая 1912 г. он подал министру внутренних дел свои предложения по этим проблемам²⁸. Но их последующее обсуждение заинтересованными центральными ведомствами, детально проанализированное А.А. Храмовым [5, с. 161–172], было предопределено царским «окриком», заявившем, «что дальнейшие уступки земли [...] повели бы к полной ликвидации владений Кабинета на Алтае»²⁹. Поэтому центральные органы власти оказались на защите Кабинета и его земельной политики, что отразилось в журнале Совета министров от 20 июля и 4 октября 1912 г. В итоге, уже в начале июня А.А. Макаров указал П.К. Грану, что в его обязанность входит «принятие самых решительных мер к охранению законных прав Кабинета»³⁰. Это поражение томского губернатора в противостоянии с начальником округа и Кабинетом было вполне закономерным, свидетельствуя о парализующем воздействии воли императора на государственные правительственные структуры в отношении собственных владений. Поэтому межведомственные бюрократические споры о характере политики Кабинета на Алтае вряд ли представляли угрозу для проводимого им курса, вызывая

²⁷ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1486. Л. 3-4 об.

²⁸ Там же. Ф. 1291. Оп. 84 (1911 г.). Д. 192а. Л. 103-103 об.

²⁹ Там же. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1486. Л. 81.

³⁰ Там же. Л. 45.

только необходимость дополнительных усилий для отстаивания безусловной позиции, выражаемой императором.

В разгар правительственных споров о курсе Кабинета на Алтае неожиданно обозначилось третье направление противодействия политике «нового курса», объединившее протесты прессы и бюрократические разногласия. Оно выразилось в экстренном запросе депутатов Государственной думы министру внутренних дел, поданном 9 июня 1912 г. в последний день думской сессии. Он касался земельной политики Кабинета в Алтайском округе, которая с 1908 г. приняла «совершенно одностороннюю систему защиты исключительно частновладельческих интересов округа, игнорируя существенные нужды местного населения». В доказательство был приведен ряд ведомственных инструкций и распоряжений, предусматривавших земельные изъятия у крестьян в обход землеустроительного закона. Однако главное обвинение в этом депутаты вынесли не Кабинету, а общему присутствию Томского губернского управления, которое как ключевой местный орган в документальном оформлении землеустроительных итогов обвинялось в нарушении закона, «подчиняясь требованиям Алтайского округа». Поэтому фактическое содержание запроса не совпадало с его формальной резолютивной частью, запрашивавшей у министра внутренних дел о его информированности о деятельности губернского органа «в ряде случаев... в интересах Кабинета», а также выяснявшей предполагаемые меры «для восстановления нарушенной законности»³¹.

Содержательная часть запроса была полностью основана на материалах статьи из «Русского богатства», а обвинение общего присутствия Томского губернского управления повторяло главную мысль еще одной статьи того же автора М. С., опубликованной в мае 1912 г., которая к тому же на следующий день после запроса была дополнена очередной его статьей, критиковавшей земельную политику Кабинета в целом [5, с. 110]³². Как и журнальные публикации, думский запрос придавал злободневный характер критике «нового курса» Кабинета. При этом запрос депутатов предусматривал ответную реакцию со стороны министра-адресата, не предполагая забвения проблемы, как это могло произойти в случае с прессой. Уже 15 июня запрос был направлен для дачи объяснений томскому губернатору, который становился ключевой фигурой в его рассмотрении³³. Однако это поставило П.К. Грана в противоречивую ситуацию: с одной стороны, уже выступив в мае 1912 г. в ходе рассмотрения мормышанского дела за увеличение размеров отчуждаемых у Кабинета земель для решения возникавших проблем землеустройства

³¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 27. Д. 1440. Л. 1-1 об.

³² М.С. На Алтае // Современный мир. 1912. № 5; Соколов М. К последнему запросу // Речь. 1912. 10 июня.

³³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84 (1911 г.). Д. 192а. Л. 221.

на Алтае, он мог поддержать антикабинетские высказывания запроса о преобладании в проводимых ведомством землеустроительных мероприятиях «частновладельческих интересов». Но такая поддержка в свете резолютивной части запроса бросала тень на общее присутствие Томского губернского управления как на соучастника незаконной деятельности местных чинов Кабинета. Поэтому губернатор явно не спешил с предоставлением ответа. Со стороны Алтайского округа к рассмотрению запроса подключился П.М. Юхнев. Закончивший к этому времени составление опровержения на статью М. С., он в силу этого оказался уже знаком с набором фактов, представленных в думском запросе.

Справки и доклады руководителям Кабинета, составленные П.М. Юхневым по думскому запросу, свидетельствовали о стремлении обвинить авторов запроса в «малой осведомленности», назвав их «слишком доверчивыми к доставляемым им сведениям». Развивая мысль об «опрометчивости» запроса, глава Алтайского землеустройства уже в силу занимаемой должности указывал на государственные цели землеустройства, отчетливо выразившиеся после начала массового переселенческого движения на Алтай с 1906 г., и доказывал законность всех инструкций и распоряжений³⁴. Одновременно отстаивая по существу запроса непричастность общего присутствия Томского губернского управления, П.М. Юхнев невольно «подставил» этим Кабинет, также как и П.К. Гран оказавшись под влиянием амбивалентного характера запроса. Это, например, касалось указания о контроле межевых работ – одного из главных пунктов обвинения – только Кабинетом, или подтверждения различия в полномочиях Томского губернского управления, начальника Алтайского округа и главы землеустройства. Отмечая по этому поводу на полях документа, что «это есть мало обоснованное перенесение ответственности на Кабинет», Е.Н. Волков в итоге посчитал, что в отзыве П.М. Юхнева «тон и аргументация не отвечают серьезности и важности запроса»³⁵.

Рассмотрение запроса в общем присутствии Томского губернского управления, состоявшееся 24 сентября 1912 г., также оказалось под влиянием двойственного характера документа. П.К. Гран предложил заслушать доклады о ходе землеустройства в Алтайском округе, зачитанные членом губернского управления А. Бароком и П.М. Юхневым, без их обсуждения и без принятия решения по запросу, оставленного в прерогативе губернатора. Позже П.К. Гран обосновал эту процедуру нежеланием допустить в ходе обсуждения запроса критики деятельности Кабинета, которая «легко могла

³⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 27. Д. 1440. Л. 11, 31, 33.

³⁵ Там же. Л. 21 об., 29.

произойти»³⁶. Против такого регламента заседания Общего присутствия активно выступил В.П. Михайлов при поддержке П.М. Юхнева. В своих особых мнениях и рапортах в Кабинет они указывали на сознательное изменение коллегиальной процедуры губернатором, не желавшим по итогам обсуждения принятия решения о необоснованности запроса, означавшего оправдание действий Кабинета³⁷. С учетом противоречивости запроса и его формулировки, Общее губернское присутствие, снимая с себя обвинения, неизбежно должно было признать законность деятельности Кабинета, что противоречило позиции П.К. Грана, обозначенной весной 1912 г.

Заметным итогом рассмотрения запроса стал отзыв на него, составленный в октябре В.П. Михайловым по личной инициативе. Учитывая, что к тому времени опровержение П.М. Юхнева на статью из «Русского богатства» было отвергнуто управляющим Кабинетом, отзыв начальника округа невольно становился ответом и на запрос, и на критические публикации М.С. [5, с. 113]. Напечатанный в 300 экземплярах с грифом «секретно», личный отзыв В.П. Михайлова был отправлен Е.Н. Волкову для ознакомления и возможной рассылки членам Думы. Но управляющий Кабинетом не поддержал эту инициативу, поскольку в переговорах с А.А. Макаровым выяснилось, что он «не предполагал давать Думе 4-го созыва объяснения по запросу»³⁸. В результате, запрос депутатов о политике Кабинета на Алтае, как и лежавшие в его основе публикации прессы, остались без ответа.

Впрочем, начальник округа и Кабинет сумели обратить запрос на пользу ведомству, выставив его в качестве пострадавшей стороны. Во-первых, критика запроса вылилась в поиск личных врагов Кабинета. Еще с конца 1911 г. Е.Н. Волков неоднократно намекал, что инициатор всех нападков на Кабинет ему известен – это А.В. Розанов. Отзыв В.П. Михайлова на запрос уже напрямую назвал его вдохновителем критики Кабинета, состоявшейся в 1912 г. в печати и в Думе: «Открывши поход против Кабинета и пользуясь для этого всяким удобным случаем и местной прессой, [...] эти лица распространили среди общества массу самых невероятных слухов и сведений». Поэтому противодействие «новому курсу» автоматическое опровергалось указанием на личную корысть его критиков, дезавуируя любые обвинения Кабинета в незаконных действиях³⁹ [5, с. 112–113].

Вторым последствием думского запроса стала травля томского губернатора руководителями Министерства императорского двора и Кабинета, начавшаяся в октябре 1912 г. П.К. Гран был обвинен в предвзятом отношении

³⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84 (1911 г.). Л. 415.

³⁷ Там же. Ф. 468. Оп. 27. Д. 1440. Л. 38, 44 об.

³⁸ Там же. Л. 104–106.

³⁹ Там же. Л. 77 об.

к защите законных интересов Кабинета. Главы двух ведомств сообщали министру внутренних дел, что, оказавшись под влиянием антикабинетской пропаганды, губернатор поощрял крестьян к жалобам на землеустройство и подаче прошений о прирезке земли. Е.Н. Волков увидел в этом нарушение закона, поскольку П.К. Гран сам участвовал в утверждении наделов в Общем присутствии, тем самым, давая им юридическую силу. К тому же история с рассмотрением думского запроса, наряду с другими фактами, убеждали главу Кабинета в том, что «в последнее время томский губернатор Гран занял открыто враждебное положение к Кабинету»⁴⁰. Министр двора В.Б. Фредерикс заявил о невозможности защищать владения Кабинета в сложившихся условиях. Однако А.А. Макаров уклончиво ответил, что ведомства должны установить единство и солидарность действий в Алтайском округе⁴¹. Последним доводом со стороны Министерства двора стало обвинение губернатора в поддержке главного противника Кабинета - А.В. Розанова, вследствие чего В.Б. Фредерикс фактически потребовал отставки П.К. Грана. Новый министр внутренних дел Н. А. Маклаков в ответ на очередное письмо уже в январе 1913 г. наложил резолюцию: «Губернатор принял курс неверный, отношения запутал и население сбил с должного пути неосмотрительностью своих решений. Это надо круто изменить... и сделать это надо не резко, но твердо и решительно»⁴². В 1913 г. П.К. Гран был освобожден от должности томского губернатора.

Итак, противодействие «новому курсу» в земельной политике Кабинета, начавшись в 1910 г., вплоть до конца 1911 г. не отличалось постоянно подерживавшейся активностью. Публицистическая деятельность прессы выдвигала обобщенные жесткие обвинения в адрес ведомства только в условиях чрезвычайных ситуаций, примером чего стал отклик на Павловское волнение крестьян. Лишь с рубежа 1911-1912 г. в публикациях прессы референум стало звучать обвинение Кабинета в проведении частновладельческого курса в ущерб населению путем нарушения законов. Не столь явным было противодействие «новому курсу» со стороны губернской администрации, проявившееся с весны 1912 г. в ходе разрешения недовольства жителей села Мормышы. В отличие от обвинений в прессе, дискуссии в правительственных структурах не сформировали такого же четкого и жесткого мнения, критикуя лишь наиболее спорные случаи предоставления населению кабинетских земель на Алтае. Выделенные формы противодействия «новому курсу» Кабинета объединились в еще одном их проявлении – запросе депутатов

⁴⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84 (1911 г.). Д. 192а. Л. 316, 393, 395-395 об.

⁴¹ Там же. Д. 192б. Л. 186.

⁴² Там же. Л. 159 об.-160, 167.

Государственной думы. Заимствовав в прессе обвинение в незаконных действиях ведомства, запрос вновь обращал внимание правительственных структур на земельную политику Кабинета, обязывая теперь оценить ее общее направление с точки зрения законности методов и соответствия государственному, а не частновладельческому значению.

Реакция со стороны руководителей Кабинета и Алтайского округа на противодействие политике «нового курса» активизировалась с начала 1912 г., нарастая к весне по мере усложнения характера противостояния. Если в начале года первостепенное значение для Кабинета имела информационная борьба с прессой, то с весны 1912 г. все большее значение отводилось бюрократическим способам защиты ведомства. Наивысшим успехом в этом стало получение мнения императора о необходимости сохранения кабинетских владений на Алтае. Но эта санкция, возникшая в ходе решения мормышанской проблемы, не могла быть использована в ответе на думский запрос, поскольку она оправдывала бы выдвинутое обвинение в нарушении законов, компрометируя носителя верховной власти. Поэтому депутатский запрос был решен Кабинетом исключительно бюрократическими методами и интригами в свою пользу. С учетом рассмотренной нами ранее информационной борьбы ведомства, можно утверждать, что 1912 г. стал для Кабинета временем проверки прочности «нового курса» земельной политики. Ведомство в очередной раз доказало бюрократическое мастерство, косвенно продемонстрировав этим пренебрежение к Государственной думе и прессе как новым формам общественного противодействия, оказавшимся не в состоянии вести равную борьбу с Кабинетом. И хотя он в итоге отстоял политику «нового курса», это был сомнительный успех для органа, напрямую связанного с самодержавной монархией, поскольку свидетельствовал о нежелании ведомства интегрировать региональную земельную политику в систему существовавших и формировавшихся структур менявшейся общественно-политической культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Соловьев К.А.* Политическая культура // Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX века. Т. II. М., 2012. С. 74–160.
2. *Жидков Г.П.* Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.). Новосибирск, 1973. 264 с.
3. *Эксплуатация* природных ресурсов Алтая императорским Кабинетом как фактор развития российской монархии (XVIII – начало XX в.). Барнаул, 2012. 260 с.
4. *Афанасьев П.А.* «Новый курс» хозяйственной политики Кабинета в Алтайском округе в начале XX в.: факторы и этапы развития // Экономическая история Сибири XX – начала XXI в. Т. I. Барнаул, 2012. С. 87–95.
5. *Храмков А.А.* Обсуждение в правительстве царской России землеустроительной политики в Алтайском округе в 1911–1913 гг. // Вопросы социально-экономического разви-

тия Сибири в период капитализма. Барнаул, 1984. С. 157–180.

6. *Афанасьев П.А.* Информационная борьба против земельной политики Кабинета Его Императорского Величества в журнальной прессе 1911–1912 гг. // Исторический Ежегодник. 2012. Новосибирск, 2012. С. 100–115.

7. *Афанасьев П.А., Пожарская К.А.* Формирование колонизационного фонда Алтайского округа как фактор изменения земельной политики Кабинета Его Императорского Величества в регионе // Экономическая история Сибири XX – начала XXI века. Барнаул, 2009. С. 79–86.

8. *Храмков А.А.* Революционная борьба крестьянства Томской губернии в 1910–1916 гг. // Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Вып. I. Томск, 1960. С. 163–189.

P.A. AFANASIEV

COUNTERING THE "NEW COURSE" OF LAND POLICY OF THE CABINET OF HIS IMPERIAL MAJESTY IN THE ALTAI COUNTY IN THE BEGINNING OF THE 1910S.

The article investigates the forms of counteraction to the policy of "new course" of the Cabinet used in 1911–1912. The main manifestation of this counteraction is connected with the critical publications in the press, which systematically accusing the Cabinet in violation of laws during the beginning of 1912. The second trend is reflected in the contradictions between the Tomsk governor and the head of the Altai district on the land management. These two forms of the counteraction were merged in the request of the State Duma. The analysis shows that the Cabinet chose mostly bureaucratic methods response to criticism of its policies, failing to defend it. The author comes to conclusion that the Cabinet's reaction on the arisen counteraction to "the new course" suggested about unwillingness of the department to integrate regional land policy into changing political structure.

Keywords: the Cabinet of His Emperor Majesty, the Altai district, the periodical press, organization of land exploitation (zemleustroystvo), «the new course», E.N. Volkov, V.P. Mihailov.